

Ольга Зинченко

Филиал чистилища

Полицейский констебль Роберт Фарнем не привык считать себя трусом дожив до двадцати семи лет, и в его планы не входило свыкаться с этой мыслью теперь. Поэтому он продолжал идти вперед по Тоттенхэм-лейн, игнорируя сигналы тревоги, посылаемые сознанием с нарастающей силой. Натриевые фонари его более не интересовали, по крайней мере, проблема с уличным освещением отодвинулась на второй план.

Теперь он шел на звуки флейты.

Почему-то (по не вполне понятной ему самому причине) выяснить, откуда они исходят, стало делом номер один на повестке дня.

«На повестке ночи», - поправил Фарнем сам себя и хихикнул. Смешок, призванный приободрить, вышел каким-то нервным и только подчеркнул сюрреализм происходящего. История американки Дорис Фриман ворвавшейся, ладно, ладно, вбежавшей в их участок несколько часов назад, и заявившей, что чудовища утащили ее мужа, была еще свежа в памяти. И теперь, вместо того, чтобы подобно костру затухать, теряя краски и полуночное очарование, она, раздуваемая ветром впечатлений, обретала все новые подробности, неведомые самой рассказчице. Впечатлений от прочтения нераскрытых дел.

Что до ветра, легкого ветерка, какой бывает в конце августа - его не было. Как не было и любого другого движения на улице. Если не брать в счет большого серого кота, наблюдавшего за Фарнемом с полуразрушенного времени крыльца дома.

«Он одноглазый, - думает Фарнем, чувствуя, как желудок начинает наливаться свинцом. – Этот кот одноглазый, и если у кого-то есть сомнения по этому поводу, пусть он выскажет их сейчас или замолкнет навеки».

Когда Фарнем на ватных ногах приближается к коту, тот поступает как любой уважающий себя дворовой кот (НОРМАЛЬНЫЙ кот) – он убегает. Но полицейский констебль Роберт Фарнем успеваает заметить, что оба глаза кота находятся там, где им положено, в орбитах. Окрас кота – снежно белый, не имеет ничего общего с описанным той истеричной дамочкой. «Ночью все кошки серы», - не без облегчения думает Фарнем. После чего вспоминает, что пословица эта звучит иначе, а именно: «Погаси свечи и все кошки будут серы». Что ж, свечи гасить не нужно, у негра в шляпе темней не бывает.

Звуки флейты продолжают доноситься с противоположного конца Тоттенхэм-лейн. Тихие, едва уловимые. Дразнящие, вызывающие желание их рационализировать. Фарнем думает, что ему по силам сделать это. Позволив себе на какую то долю секунды поверить в подлинность рассказа, он чуть не обделался при виде обычного кота. Больше этого не повторится. К тому же уверенность, что его напарник Веттер приложил к этому руку, крепнет в нем все сильнее. Мысль, что довольно сложно представить себе стареющего констебля наигрывающего шутки ради на флейте в три часа ночи, (и оставившего ради этой забавы участок без присмотра) придет чуть позже.

Вместе с образом гамельнского крысолова, уводящего за собой беспомощных детей. Сейчас же он отважно ступает по темной, застывшей улице, не подозревая, насколько близок к раскрытию дела Фриманов.

Фарнем относился к числу людей, юмор которых заканчивался при малейшем подозрении, что кто-то пытается разыграть их самих. Возможно, опытный психолог сказал бы, что это происходит от недостатка уверенности в себе. Но Фарнем никогда не посещал психологов полагая, что за двадцать пять фунтов в час только игрушечная собачка над приборным щитком в такси, может так часто кивать головой.

«Свистун со звезд? Слепой дудочник, он же пожиратель измерений - кажется, так говорила американка...сейчас я взгляну на тебя, дружок» - с пониманием того, что он шепчет эти слова вслух, заложенный в них изначально сарказм отступил, уступая место другому, более сильному чувству.

Подозрение, гадливость, ужас?

В любом случае желание взглянуть на слепого дудочника отпало.

- Неважно, - оборвал себя Фарнем, внезапно обнаружив, что музыка смолкла, в то время как Тоттенхэм-лейн осталась далеко позади. Теперь он находился... а где он, собственно говоря, находился? Название улицы поблизости отсутствовало, лишь ряды аккуратных, молчаливых домов под яркими звездами, которые не скрадывал свет фонарей. Фарнем не стал любоваться на звезды или искать большую медведицу. Возможно это и к лучшему, потому что он бы ее не нашел. «Лондон спит и видит сон, - ни с того ни с сего подумалось Фарнему. – Город видит сон о гибели одного констебля». Он сжал виски, отгоняя наваждение, и тут в его поле зрения попал газетный киоск. «ШЕСТЬДЕСЯТ ОДИН ЧЕЛОВЕК ПРОПАЛ ПОД ЗЕМЛЕЙ» - гласила надпись, сделанная мелом на рекламном щите. Фарнему показалось, что вокруг него возник вакуум и сейчас его легкие разорвутся. Усилив волю, он заставил себя вдохнуть.

Это все, что было написано на щите. Никакого тебе: «УЖАСНАЯ ТРАГЕДИЯ». Просто: «Шесть...десят?» Фарнем готов поклясться, что в рассказе Дорис их было ровно шестьдесят. Кто даст больше?

Он принялся хлопать по карманам в поисках пачки сигарет, но видимо она осталась в участке. Задуматься над этим фактом ему не дал шум моторов. Мотоциклы. Судя по звуку не очень далеко, и расстояние все сокращалось.

Вместе с тем мир пришел в движение. Улица стала сжиматься, словно в сознании клаустрофоба, дома поползли навстречу друг другу. Фарнем видел, как что-то темное ударилось с обратной стороны в одно из окон. Ударилось мягко. По крайней мере, стекло осталось на месте.

Фарнем не стал кричать, пятиться или тереть глаза в надежде, что все это ему лишь привиделось. Возможно потому, что он подозревал о подобном исходе своего ночного променада. Подшучивая над Веттером, («Ты находишь это странным, а видел ли ты, когда-нибудь плывущего ленивца?») он в тайне верил, что есть такое место, где водятся чудовища. И сезон охоты для них открыт круглый год. Что ОН делал здесь? Это был другой вопрос. Возможно ответ на него крылся в словах девочки, встреченной Дорис в этом ужасном месте: «На тебе был знак». Ответ, прямой, как телеграфный столб и безапелляционный, как сама смерть.

Звук моторов раздавался теперь совсем близко.

«А вот и наши друзья», – прошелестел голос у Фарнема в голове. Голос этот поразительно напоминал голос американки. Правда он был не таким, каким он слышал его несколько часов (а может и миллион лет) назад. Сейчас в нем отсутствовали нотки говорящие о близости истерики. Его наполняло спокойствие (теперь ты попал впросак приятель, и тебе разгребать эту кашу), и все же Фарнем не сомневался, что это репродукция его мозгом ее голоса. «Это едут наши пронырливые приятели с крысиными мордами. И сейчас они схватят тебя. Что ты на это скажешь?»

В голове еще звенело эхо этих слов, а констебль Роберт Фарнем уже бежал по улице. Стараясь оставлять за пределами своего внимания ресторан, продающий соус карри навынос, надпись, гласящую о том, что он находится в миле от Слотер-Тауэн.

Тауэн. Через «э».

Будучи еще курсантом, Фарнем всегда был первым по бегу на длинные дистанции. Теперь же, подхлестываемый адреналином, он мчался с фантастической скоростью. А когда на его пути показалась пара, он напрочь забыл о том, что это в его обязанности входит служить и защищать. Он метнулся к ним, приготовившись просить о помощи, возможно, даже умолять, если понадобится.

Пара еще издали показалась ему дешевой декорацией к фильму о влюбленных, но надежда довольно живучая штука, знаете ли, а ужас несколько усыпляет бдительность.

Девушка стояла, опираясь о поручень крыльца, голова ее подалась навстречу парню, тянущемуся к ней с тротуара. Они целовались. По крайней мере, так могло показаться с первого взгляда.

Свидание затянулось – говорила вся картина. Свидание затянулось, а парень, будучи джентльменом, решил проводить подругу домой. Видимо Фарнем успел как раз к «поцелую у порога».

Странная вещь человеческое сознание – констебль смутился. И все же он продолжал сокращать расстояние между ними, изо всех сил отрицая некоторые детали становящиеся заметными по мере приближения. Неестественная неподвижность фигур, отсутствие реакции на бегущего к ним через пустынную улицу человека. Но больше всего удручало то, что у них отсутствовали лица. Находясь в десяти ярдах от них, уже сложно было отнести это на счет обмана зрения. В месте, где должны были соприкоснуться их губы, по тонкой белесой коже, проходила едва заметная рябь.

Фарнем резко затормозил, едва не утратив равновесия, когда фигуры убийственно медленно стали поворачивать к нему свои... что? Что угодно, но только не лица.

Существо-муляж парня, склонило голову на бок, словно раздумывая над чем-то.

- Тебе не стоит остерегаться козы, - было непонятно откуда исходит голос, да и не хотелось об этом думать. – Все уже решено. Ее козлята голодны, а ты на верном пути.

- Кух татех, - согласился с ним второй голос, но Фарнем этого уже не слышал. Он бежал через проулок, задыхаясь на бегу. Ощущая ступней камешек в своем левом ботинке, и отчаянно молясь, в надежде утратить разум перед тем, как рев моторов послышится прямо за спиной. Почему-то ему вспомнилась Сьюзи Декстер, его первая девушка обладательница огромных карих глаз и довольно brutального чувства юмора. Она называла мотоциклистов «временные жители». Тогда эти слова не казались ему такими зловещими. Первые два раза он даже позволил себе улыбнуться.

Он вынырнул из проулка на Хиллфилд-авеню, по крайней мере, так утверждала табличка, установленная у перекрестка. Сказать наверняка Фарнем не мог - не так давно его перевели сюда с севера, с Массуэл-Хилла и некоторые улицы он знал лишь по змейкам на карте, помеченным зеленым цветом. Одно его устраивало однозначно – земля здесь не шевелилась, дома твердо стояли на своих основаниях. И все же было трудно не задаться вопросом: Как далеко он находится от Слотер-Тауэн теперь? От места, где, по словам его коллеги, сержанта Реймонда, у людей вынимали печень и глаза.

«Ближе чем ты думаешь, красавчик».

Голос Дорис Фриман намертво засел у него в голове. «Как говенная заноза с американским акцентом», - Фарнем сплюнул на мостовую, и видимо есть Бог на небе, позволивший ему не заметить как слюна, закипев, словно на раскаленной конфорке, стала испаряться.

Зато было кое-что еще, чего нельзя было проигнорировать – там, где Хиллфилд-авеню сворачивала на Викерс-лейм, из-за поворота лился свет, и это определенно не был «свет в конце тоннеля».

Свет был рассеянным, это говорило о том, что его источник (возможно фары мотоциклов) еще не близко. Звука моторов не было, и Фарнем позволил себе предположить, что они идут пешком, ведя мотоциклы рядом с собой. Предполагать – составляющая профессии Роберта Фарнема, сердце которого на данном этапе билось где-то в горле. И он продолжил, решив, что вкус крови во рту обусловлен этим фактом и еще, что они знают, где он находится.

Временные жители.

Нет, не то, не так - загонщики. Слово камнем ухнуло в омут сознания, отрицая потребность его анализировать. Как факт. Заставив его ощутить в полной мере, каждой клеткой: это нечто иное, не то с чем доводилось сталкиваться за время службы. Это не пьяная драка, не серийный маньяк, не разборки футбольных фанатов.

Тут другое. Это было зло в чистой форме, нерафинированное. Зло как оно есть. И оно пришло за ним Робертом Фарнемом, Робби для жены и узкого круга друзей.

- Черта с два, - прошептал он.

Дома темными глазницами окон наблюдали, как человек с лицом безумца пересек улицу и принялся прокладывать себе путь через живую изгородь, окружавшую небольшой дворик.

Почему-то Фарнему казалось, успеет он укрыться за изгородью раньше, чем заго...

(какого черта?)

...чем временные жители появятся на Хиллфилд-авеню, он будет спасен.

Изгородь расступилась, пропуская его на лужайку, окруженную цветами. «Ирисы, - отметил он. – Шейле бы понравилось. Гребаный милый Тауэн, где-то здесь пропал муж американки, Лонни».

Фарнем замер, стараясь тише дышать и не думать о том, что Лонни, возможно, крадется сейчас к нему с кровоточащей дырой на месте печени, высматривая его в темноте пустыми глазницами. Да, он старался гнать от себя эти мысли, потому что любой кошмар мог бы ожить в этом гиблом месте.

Что-то коснулось его ноги. Он опустил глаза и с ужасом увидел кота. Огромного серого кота с одним глазом. Кот из рассказа Дорис, и он терся об ноги Фарнема. Кончик его хвоста чуть подрагивал.

«Он метит меня, - почему-то эта мысль привела к неопишуемому ужасу. – Этот сукин кот метит меня». Ему пришлось зажать рот руками, проглотив крик рвущийся наружу. Хвост кота оставил на его брюках черный след, который, словно масляное пятно, принялся разрастаться, пропитывая ткань.

Перед его полными ужаса глазами черная вязкая субстанция задымилась и поползла сразу в двух направлениях: вверх, обволакивая его, и вниз, прожигая дыру в земле.

Не в силах больше бороться, наблюдая, как земля поглощает его, он думал не о Шейле и даже не о дочерях близняшках мирно спавших сейчас в своих кроватях. Он думал не об огромных глазах своей первой любви, Сьюзи. В момент, когда черная дрянь обволакивала его собственные глаза, он думал о том, что в скором времени ему предстоит встретиться с очаровательной парой. Высоким крупным мужчиной, желающим помочь и испуганной молодой женщиной, которой вскоре предстоит овдоветь.

В последнюю секунду перед тем, как стало невыносимо больно, он задался вопросом: Как бы назвал сей феномен писатель-фантаст его напарника Веттера... Лавкрафт, вот как его звали. Временное кольцо, или что ни будь в этом роде?

Отчасти он бы был прав, потому что Ка - это колесо.

Обдумать эту странную идею он не успел, так как боль вонзилась в его мозг тысячей рыболовных крючков, рванувших разом во все стороны, стирая личность того, кто еще недавно был Робертом Фарнемом.

Тогда он зашелся в крике, настолько громком, что казалось, он может пробить прослойку между мирами.

Констебль Веттер вот уже полчаса любовался на плакат «ШЕСТЬ ПРАВИЛ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ ПРИ ЕЗДЕ ПО НОЧАМ». Его стеклянный немигающий взгляд навел бы постороннего наблюдателя на подозрение, что плаката он не видит.

Его мысли действительно блуждали где-то далеко от полицейского участка.

На мгновение ему показалось, что с улицы долетел какой-то звук. Ватер наморщил и без того морщинистый лоб и повернул голову к двери, пожалуй, слишком резко.

Ложная тревога. Он склонил голову на бок, прислушался – ничего.

Еще через пол часа рассвело.